

Отзыв на автореферат диссертации Пироговской М. М. «Ольфакторный код и воспитание чувствительности в русской городской культуре 1860—1910-х годов»

Написанная в рамках антропологии чувств диссертация ММ. Пироговской посвящена конструированию символического слоя ольфакторного мира русского города второй половины XIX – начала XX века. Данный подход предполагает проблематизацию по видимости неизменного и природного, демонстрацию его исторического и сконструированного характера – иными словами, описание чувствительности как изменчивой социальной реальности, создаваемой разными социальными акторами, и в конечном итоге написание истории чувств.

Автореферат хорошо структурирован и дает четкое представление об истории развития антропологии чувств в целом, теоретической основе исследования (см. в частности апелляцию к исследовательской традиции, у истоков которой стоят работы А. Корбена, что представляется чрезвычайно продуктивным), обоснование междисциплинарного характера исследования (здесь особо хотелось бы отметить важную филологическую составляющую работы, посвященную формированию русского ольфакторного словаря) используемом материале и т.д. Краткое описание основных глав работы легко позволяет понять основные тезисы диссертационного сочинения: роль медикализации в XIX веке, значимость миазматической теории, социально-дистинкционная роль запахов и пр. Иначе говоря, автореферат дает абсолютно адекватное представление о сделанной работе и в известном смысле слова может претендовать на роль образца в рамках своего жанра.

Содержательно текст автореферата не вызывает возражений, за исключением, пожалуй, одного фрагмента, посвященного дореволюционным и советским историям медицины. Так на стр. 9 автор пишет:

В дореволюционных и советских работах социальные аспекты медицины и гигиены, как правило, вообще не рассматривались. Под медицинской понимались почти исключительно клиническая и университетская науки и одобренные ими методы, а под историей медицины — история великих врачей и крупных теорий, так или иначе предвосхитивших современные положения. Медицинские концепции и практики, которые не вписывались в историю биомедицины и доказательной медицины, считались недостойными внимания заблуждениями и предрассудками;

теория миазмов, без изучения которой разговор о социальном смысле запахов вести затруднительно, почти не интересовала специалистов. Даже земская медицина, которая могла бы изучаться в рамках социальной истории, не исследовалась в социокультурной перспективе или исследовалась очень мало. Это неудивительно — советская историография тяготела в первую очередь к «истории события», а повседневность, сведенная к «материальной культуре», оставалась уделом преимущественно искусствоведов и историков костюма.

Позволю себе очень осторожно предположить, что отказ включать в историю «заблуждения и предрассудки» может быть связан с доминированием идеологических пресуппозиций Просвещения, что предполагало историческое описание лишь того, что было институционализировано к моменту писания истории как подлинно «научное знание» и, следовательно, легитимировано Разумом – в данной перспективе история собственно и пишется как история победоносного и освободительного Разума. Впрочем, я не буду настаивать на своей интерпретации. Никаких сомнений в высоком качестве автореферата М.М. Пироговской у рецензента нет.

12 марта 2016

кандидат филол. наук, PhD

Доцент факультета истории искусств
ЕУ в СПб

Блюмбаум А.Б.

Блюмбаум
А.Б.
Серегина А.С.